

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

УДК 341(095)

А.А. Дорская

**Проблема эффективности
международного права
в российской юридической науке:
ретроспективный анализ**

В статье рассматриваются представления дореволюционных, советских и современных российских юристов-международников об эффективности международного права. Показано, что российская наука международного права до 1917 г. развивалась в контексте европейской. Рассмотрены критерии эффективности норм международного права, разработанные советскими юристами. Показано, что с 1980-х гг. эффективность международно-правового регулирования стала самостоятельной научной проблемой.

Ключевые слова: эффективность права; наука международного права; теория государства и права; обязательность норм международного права; социальный характер норм международного права; коллективные научные органы.

Понятия «эффективность права», «эффективность правового регулирования», «эффективность правовых норм» разрабатываются главным образом представителями теоретико-правовой науки. Однако свой вклад в данный процесс вносили и вносят в том числе юристы-международники. В рамках науки международного права данная проблема представляет особый интерес, так как нормы международного права, имеющие главным образом обычно-правовую и договорную природу, создаются на основе прямо выраженного соглашения или молчаливого согласия, и вопрос об их эффективности имеет как общетеоретическое значение, так и определенную специфику.

На современном этапе даются различные определения эффективности международного права, анализ которых позволяет рассматривать ее как комплексную категорию, означающую соответствие правотворческого процесса

решению наиболее значимых проблем международных отношений, степень реализации международно-правовых норм субъектами международного права, действенный механизм восстановления нарушенных прав, предусмотренных нормами международного права.

Проблема эффективности международного права стала активно разрабатываться российскими юристами-международниками в 1870-е гг. Это соответствовало уровню европейской науки. Один из самых известных специалистов в области международного права этого времени И. Блюнчли (1808–1881) поместил перед Кодексом международного права введение «О значении и успехах новейшего международного права», в котором главным критерием эффективности международно-правовых норм назвал их соответствие природе человека. «Международным правом, — писал он, — называется порядок, определяющий взаимные отношения между государствами и признанный всеми за юридически необходимый. Но государство, т. е. организованная народность, состоит из человеческих личностей, и в свою очередь представляет коллективную личность, т. е. живое, одаренное волей юридическое существо, подобное отдельному человеку. Далее, — государство, как и человек, является с одной стороны индивидуумом, а с другой — членом великого целого — человечества. Поэтому ту же человеческую природу и, следовательно, ту же правоспособность, которой обладает каждый народ и государство, они находят и во всяком другом народе и государстве. Это сознание связывает все народы неразрывными узами... В этом и заключается твердая, незыблемая основа всего международного права. Отрицаемое, даже уничтожаемое сегодня, оно будет завтра снова признано и восстановлено» [2: с. 2]. Таким образом, И. Блюнчли рассматривал эффективность международного права в контексте соответствия его норм естественному праву. Кроме того, российские международники не могли оказаться в стороне от общих тенденций правового развития страны в условиях проведения «великих реформ», когда юристами активно разрабатывались критерии их результативности [28: с. 121–122].

Сам термин «эффективность международного права» дореволюционными российскими юристами не использовался, но применялись его различные синонимы — «успешность», «удачность» и т. д.

В дореволюционной науке можно выделить следующие критерии эффективности международного права.

Во-первых, использование наукой международного права лучших достижений не только теории государства и права, но и отраслевых наук. Известный российский юрист-международник, один из основоположников идеи международного правосудия Л.А. Камаровский (1846–1912) отмечал: «Уже по самой внутренней своей природе международное право есть как бы завершение, вывод из тех наук, которые мы привыкли обозначать общим термином «правоведение». Чем больше широкого и полного развития достигает каждая из отраслей юриспруденции, тем больше все научные начала нашего предмета получают плоть и кровь, войдут в общее сознание человечества и укрепят

в целом юридический порядок на земле» [14: с. 1]. «Ни одно положение каждой... отрасли, — писал ученый, — не отрицается международным правом, но, напротив, подтверждается им, развивается и приводит в гармоническое соответствие с остальными истинно-здравыми правами» [14: с. 8].

Во-вторых, эффективность связывалась с кодификацией отдельных отраслей международного права. В целом российские юристы считали, что создание единого кодекса международного права не является оптимальным решением существовавших проблем. Даже Л.А. Камаровский — один из любимых учеников И.К. Блюнчли, не разделял до конца замысла своего учителя, но предпринял усилия для перевода его Кодекса на русский язык и его издание [29: с. 10]. Российские специалисты в области международного права предлагали кодифицировать только те сферы, которые были наилучшим образом разработаны и затрагивали интересы всех членов международного союза. Так, В.П. Даневский (1852–1898) использовал термин «успешность научной и законодательной кодификации международного права» и считал, что ее условиями является успокоение Европы после ряда потрясающих событий, радикальное перерождение ряда государств, их обновление на началах национальности [7: с. 25]. Метод кодификации от общего к частному В.П. Даневский считал неудобным и непригодным, отстаивая точку зрения, что кодификации можно подвергать только «окрепшие» институты [7: с. 27].

В-третьих, российские юристы считали одним из критериев эффективности историзм норм международного права, проявлявшийся в осознании смелых идей, заложенных в основе международно-правовых норм. Выдающийся дипломат и ученый Ф.Ф. Мартенс (1845–1909), например, отмечал, что «задача международного права и заключается в изучении тех постоянных изменений, которые происходят в жизни государств» [23: с. 18]. В.П. Даневский выделял три этапа: 1) до 1815 г., когда господствовал принцип политического равновесия, связанный с идеями свободы и независимости; 2) с 1815 приблизительно до 70-х гг. XIX в., когда международный союз, отстаивая идею охраны целого на фоне принесения в жертву составных частей, направил свои силы главным образом на поддержание порядка на началах легитимизма («вечный порядок подавления личности»); 3) с последней четверти XIX в. — развитие идеи национальности, согласно которой нации (nation) должны совпасть с понятием о народе (Volk) в государственном смысле, т. е. границы государств и национальностей должны совпасть [8: с. VI–VIII].

В-четвертых, несмотря на то, что во второй половине XIX – начале XX в. господствовала теория цивилизованных и нецивилизованных народов, среди российских юристов-международников высказывалось мнение, что об эффективности международного права можно будет говорить только тогда, когда оно «обнимет все человечество» [17: с. 3]. При этом ученые сознавали, что произойдет это не скоро. Так, Л.А. Камаровский считал, что с точки зрения обязательности международного права современные ему народы делились на три группы: европейско-американский мир (развитое международное

право), народы Азии (начала международного права применяются к ним постольку, поскольку они выражены в заключенных с ними международных договорах) и варвары, не достигшие какой-либо государственной организации (охранительная сила норм международного права) [17: с. 7].

Особой сферой, которая должна постепенно быть воспринятой всеми государствами и народами, всеми слоями общества, российские юристы-международники считали сформировавшееся международное гуманитарное право. Высоко оценивая значение Женевской конвенции по улучшению участи раненых в армиях в поле (*Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded in Armies in the Field*) от 22 августа 1864 г. [16], Л.А. Камаровский писал: «Стараясь практически приложить заповедь Христа о любви к врагам, она создает на самых кровавых полях брани убежища милосердия и помощи страждущим воинам без различия национальности. Надо желать, чтобы идеи Женевской конвенции все глубже проникали во все слои общества» [13: с. 27].

В-пятых, к критериям эффективности международного права дореволюционные российские юристы-международники относили его социальный характер, обеспечение общественных интересов. Идея выделения наравне с публичным и частным правом общественного (социального) права активно развивалась в юридической науке еще в первой половине XIX в., в частности такими известными представителями исторической школы права, как Г. Пухта [33], Ф.К. Савиньи [34]. Применяя идею общественного права к международным отношениям, российские специалисты в области международного права относили к нему «соединение государств в унии по специальным вопросам, как, например, союзы: почтовый, телеграфный, литературный и т. п.» [17: с. 4].

В-шестых, по мнению российских юристов-международников, определенные ограничения в правах государств также служили эффективности международно-правового регулирования. Так, Л.А. Камаровский выделил пять сфер, на которые государства не должны посягать: 1) ни одно государство не имеет права совершенно изолировать себя или другое государство от остальных; 2) государства не вправе не допускать иностранцев на свою территорию; 3) ни одно государство не должно лишать других пользования путями сообщения и теми удобствами, которые вытекают из географического положения; 4) государство не должно препятствовать взаимной свободной торговле; 5) государство должно соблюдать свободу движения лиц, вещей и идей по всему земному шару [17: с. 10].

В-седьмых, одним из критериев эффективности международно-правового регулирования российские международники считали своевременный пересмотр устаревших или не оправдавших себя норм. Например, Ф.Ф. Мартенс считал, что нормы Женевской конвенции по улучшению участи раненых в армиях в поле 1864 г. устарели уже через 10 лет после подписания [22: с. 9].

В-восьмых, к критериям эффективности международного права относилось восстановление нарушенного права. Российские юристы внесли большой вклад в развитие как материально-правовой, так и процессуальной составляющей

данного института в международном общении. Так, Ф.Ф. Мартенс показывал это на примере сотрудничества государств в уголовно-правовой сфере, отмечая, что «современные государства... признают солидарность своих интересов в преследовании всех вообще преступных деяний» [23: с. 5, 112]. Л.А. Камаровский считал, что восстановление нарушенных прав должно происходить посредством вынесения решения международным судом и его исполнения [15: с. 450].

В-девятых, изучение вопросов, касающихся не только непосредственно интересов конкретного государства, но и глобальных проблем международного права, проблем, не имеющих актуальности сегодня, но могущих встать на повестке дня в ближайшее время, российские юристы-международники также считали критерием эффективности международного права. Такой подход можно проследить в работе В.П. Даневского «Очерк новейшей литературы по международному праву», в которой критике подверглась французская школа. Ученый подчеркивал «отсутствие в этой литературе сколько-нибудь выдающихся и известных сочинений, которые обнимали бы собой всю систему этого (международного. — А. Д.) права, а также учебников в той или другой форме», и отмечал, что «отсутствие это поражает и трудно объяснимо у нации, которая по преимуществу жила международной жизнью и всегда оказывала огромное влияние на практическое развитие и приложение существенных вопросов международного права» [8: с. 8–9]. Говоря о причинах такого положения, В.П. Даневский выделял «специализацию и однородность направления жизни французской нации..., проявляющуюся в непрерывных морских и сухопутных войнах с Англией, Габсбургами, Германией и Испанией» и выразившуюся в ограниченности международно-правовых разработок [8: с. 10].

Наконец, критерием эффективности международного права российские юристы-международники считали развитие института международно-правовой ответственности. К примеру, И.А. Ивановский, характеризуя Женевскую конвенцию по улучшению участи раненых в армиях в поле от 22 августа 1864 г. как одно «из весьма убедительных доказательств успеха, сделанного цивилизацией и правом войны» [10: с. VI], писал, что «государства должны предписать в своих военно-уголовных кодексах исполнение постановлений конвенции под страхом в противном случае соответственных наказаний» [10: с. 181].

Условиями повышения эффективности международного права, по мнению российских специалистов в области международного права второй половины XIX – начала XX в., являлись общая нацеленность на мирное существование государств и народов, «правовое общение» и доступность информации о формировании норм международного права, прежде всего на международных конференциях и их содержании.

Стремление к миру признавалось условием эффективности международно-правового регулирования практически всеми российскими юристами-международниками. Как отмечал Л.А. Камаровский, «по отношению к войне международному праву принадлежат две равно трудные, но великие задачи: сделать войны как можно более редкими и выработать для них, когда они неизбежны, твердые и ясные юридические нормы» [13: с. 5].

«Принцип правового общения» был раскрыт в диссертационном исследовании В.П. Даневского «Исторический очерк нейтралитета и критика Парижской морской декларации 16 апреля 1856 г.». Он писал: «Существуют международные договоры, безусловно заключающие в себе все элементы обязательности и действительности, обязательные с внешней договорной стороны: но их содержимое, их постановления часто настолько несправедливы, случайны, так часто идут в разрыв с правом и представляют собой только юридически формулированное выражение “исключительных интересов” сильнейших, что подобного рода трактаты осуждены на гибель едва ли не с самого момента их заключения... Для внутренней силы трактата, для его практического применения, процветания, для будущего развития его начал, необходимо еще чтобы он, кроме внешней, договорной обязательности своей, выражал собой исторически сложившееся, оцененное и принятое наукой юридическое сознание просвещенных членов международного союза о праве, которым они должны руководствоваться в своих сношениях во время мира, войны, по отношению в воюющим и нейтральным» [6: с. IX]. Позже И.А. Ивановский определял союз международный как наивысшую форму правового общения между людьми [11: с. 3], когда мировое сообщество вырабатывает нормы общественного права, приемлемые для всех народов.

Проблеме информированности народов о формирующихся и действующих нормах международного права большое внимание уделял Ф.Ф. Мартенс. Так, проводя подробный анализ плюсов и минусов работы Брюссельской международной конференции 1874 г., он писал: «Когда в половине июля месяца открылась конференция и в одном из самых первых своих заседаний постановила не разглашать никаких сведений о ходе прений, пока не окончатся ее труды, тогда в печати стали появляться самые невероятные слухи о совершенной неудаче конференции» [22: с. 2].

Известный российский дипломат и ученый разработал на примере Брюссельской конференции три варианта тактики государства-организатора, способствующих результативности принятия решений. Первый вариант — торжественное провозглашение государством, инициировавшим конференцию, своего устава военных законов и обычаев, применяемых к армиям и подданным всех государств, которые соглашаются с такими же правилами в отношении русских военнопленных. Второй — сообщение положений проекта всем странам после формального соглашения с ними государствами, имеющими наиболее близкие позиции с инициатором конференции. Третий вариант — приглашение всех держав на глобальный международный конгресс для обсуждения вопроса [22: с. 10–11].

Информированность субъектов об определенных нормах считалась важным условием эффективности норм международного права не только на стадии разработки, но и на стадии применения. Так, характеризуя Франко-прусскую войну 1870–1871 гг., Ф.Ф. Мартенс отмечал, что «армии двух воюющих наций, стоящих без сомнения на высшей степени цивилизации, не имели почти никакого понятия о своих правах и обязанностях в отношении друг друга... Поэтому высшее

начальство обеих воюющих сторон вынуждено было обнародовать всякого рода прокламации, инструкции и приказы, в которых объясняются войскам начала, обязательные для ведения войны» [22: с. 5–6].

Рассуждая о проблеме эффективности международного права, российские юристы-международники пытались сформулировать и те недостатки международно-правового регулирования, которые мешали достижению поставленных целей. Так, Л.А. Камаровский отмечал среди причин нерезультативности норм международного права такие, как «неполнота, неточность, субъективность (зависящая от государства, впервые их высказавшего)», и подчеркивал, что «защита этих норм слишком мало еще носит характер юридический» [17: с. 4], подразумевая отсутствие органов международного правосудия.

Эстафету исследования проблемы эффективности международно-правового регулирования подхватили советские юристы-международники.

Работы, написанные в первые годы советской власти, отличались огромной идеологизированностью. Например, в монографии Е.А. Коровина «Международное право переходного времени», изданной в 1924 г., начало XX в. признавалось «несомненным закатом международного права, так наглядно проявившемся в том общепризнанном его “кризисе”, который охотно связывают с мировой войной 1914 г.» [18: с. 9], происходило открещивание от прежних принципов международного права, предпринималась попытка создать новое международное право, делящее мир на «своих» (социалистических) и «чужих» (капиталистических). Критерии эффективности международного права были сведены к следующему: «<...> общение на почве интеллектуального единства (идейной солидарности) между странами буржуазной и социалистической культуры, как правило, отпадает, и соответствующий ему комплекс правовых норм становится беспредметным, чем, однако, не исключается возможность частичного правового общения на почве признания ценностей так называемого общечеловеческого порядка.., — например, борьба с эпидемиями, охрана памятников старины, искусства и прочее» [18: с. 15].

После Великой Отечественной войны вопросы эффективности международно-правового регулирования стали разрабатываться в советской юридической науке на новых началах. Опыт сотрудничества государств капиталистической и социалистической систем в период Второй мировой войны, появление ядерного оружия, новых глобальных проблем человечества способствовали как изменению терминологии, так и появлению новых критериев. Например, на первой сессии Комиссии международного права ООН в июне 1949 г. большинство ее членов высказались против изучения вопроса о правилах ведения войны на том основании, что «общественное мнение может это истолковать как неверие в эффективность средств предотвращения войны и поддержания мира, имеющихся в распоряжении ООН» [25: с. 58]. Однако, как известно, в том же году были подписаны четыре Женевские конвенции.

В коллективном учебнике по международному праву под редакцией Ф.И. Кожевникова 1957 г. использовался термин «полезность», причем

применялся он и к процессу кодификации норм международного права, и к разработке мирных средств разрешения международных споров, и к другим вопросам [24: с.19, 367].

В 1960-е гг. как однопорядковые в международно-правовой литературе применялись такие понятия, как «эффективность», «успешность», «полезность», «прогрессивность» [30: с. 11, 31, 47, 59]. К критериям эффективности международного права исследователи относили: 1) конкретизацию и индивидуализацию принципов международного права в различных международных договорах; 2) сочетание международных юридических правил с нормами морали; 3) использование результатов неофициальной кодификации, в частности, проводимой Институтом международного права и Ассоциацией международного права; 4) развитие института международно-правовой ответственности [30: с. 47, 59, 179].

Позитивным являлось то, что в 1960–1970-е гг. международно-правовая наука развивалась во взаимодействии с теорией государства и права. В этот период появился целый ряд теоретико-правовых работ, посвященных эффективности правового регулирования [2; 27 и др.]. Наблюдалось и обратное влияние. Например, в докторском исследовании Л.Н. Галенской 1979 г. эффективность подразделялась на социальную и юридическую, утверждалось, что все договоры, соответствующие потребностям прогрессивного развития общества, признаются социально эффективными [3: с. 20–21]. Похожая идея проводилась в книге «Эффективность правовых норм» 1980 г., в которой выделялись: а) юридическая эффективность правовой нормы, характеризующаяся соответствием поведения адресатов правовой нормы с требуемым поведением, указанным в норме; б) социальная эффективность правовой нормы, эталоном оценки которой признавалось не само правомерное поведение ее адресатов, а более отдаленная социальная цель, находящаяся вне непосредственной сферы правового регулирования [4: с. 49].

Настоящий прорыв в изучении проблемы эффективности международного права произошел в 1980-е гг.

В 1981 г. в свет вышел межвузовский сборник статей «Вопросы универсальности и эффективности международного права», в котором проблема эффективности международного права, ее критериев рассматривалась с точки зрения новых позиций.

Г.В. Игнатенко выступил против раздвоения эффективности правового регулирования, характеризуя ее как «сложную (двуединую) социально-юридическую категорию» [12: с. 6]. В качестве критериев эффективности содержания международной нормативной регламентации он выделил: а) соответствие согласованных норм объективным закономерностям общественного развития; б) соответствие принятых государствами норм императивным нормам общего международного права *jus cogens*, основным принципам международного права; в) своевременность разработки норм с учетом насущных потребностей межгосударственного сотрудничества и степени воплощения

в правовых нормах интересов государств в процессе согласования; г) определенность и четкость нормативных положений, исключающих или сводящих к минимуму возможность разноречивых толкований и разнотипных действий; д) взаимосвязанность, взаимообусловленность правовых норм как элементов правовой системы [12: с. 5]. В качестве же критериев эффективности международно-правового регулирования были выделены добросовестное выполнение государствами взятых на себя международных обязательств, реализация каждой правовой нормы в контексте общих принципов международного права и других связанных с нею норм, реализация правовой нормы в точном соответствии с целями международно-правового регулирования, координация международно-правовых и внутригосударственных правовых средств обеспечения реализации норм международного права, активная позиция государств, гарантирующая в процессе правоприменительной деятельности достижение оптимальных результатов правового регулирования, в том числе путем сочетания правовых и неправовых средств.

Г.И. Курдюков предложил такие показатели эффективности международного права, как сочетание национальных и международных интересов, фактическая реализуемость нормы, правовая активность и инициатива государств в правореализующей деятельности (организация осуществления юридических норм, исполнение двухсторонних и многосторонних договоров, участие во внешнеполитических акциях на всех уровнях), реализация государствами императивных принципов и норм *jus cogens* (этим показателем проверяется минимум эффективности деятельности государства), подкрепление принципов международного права реальными гарантиями и их конкретизация в нормах права [19: с. 58–59].

В 1984 г. С.Ю. Марочкиным была защищена кандидатская диссертация «Эффективность норм международного права: понятие, критерий и условия», в которой были сделаны важные выводы о том, что под данной категорией следует понимать комплексную категорию, характеризующую внутреннее качество норм международного права (обоснованность, реальность, гарантированность и т. д.), успешное действие и реализацию, оптимальность затрат (издержек), достижение цели, отвечающей потребностям прогрессивного развития международных отношений. Оценка эффективности норм международного права целесообразно проводить исходя из двух объективных моментов: наличия противоречивых результатов реализации нормы и целей международной системы в конкретный временной период» [21: с. 2–3]. Таким образом, к середине 1980-х гг. эффективность международного права превратилась в самостоятельную научную проблему.

Эта тенденция была поддержана в постсоветский период. В частности, Л.Х. Мингазов предложил концепцию эффективности норм международного права с точки зрения их социальной результативности [26: с. 8]. На современном этапе активно разрабатываются такие вопросы, как эффективное взаимодействие международного права и национальных правовых систем [20],

влияние деятельности Европейского суда по правам человека на эффективность норм международного права в сфере прав человека [5; 31], эффективность форм и видов международно-правовой ответственности [32] и др.

Таким образом, можно говорить о том, что проблема эффективности международного права и ее критериев разрабатывалась российскими юристами-международниками еще со второй половины XIX в. Несмотря на то что термин «эффективность» дореволюционными специалистами в сфере международного права не использовался, они разработали такие критерии, как соответствие норм международного права естественному праву, кодификация наиболее разработанных норм международного права, универсальный и социальный характер норм международного права, их изменение вслед за трансформациями основных направлений международных отношений, создание механизмов восстановления нарушенных прав, развитие института международно-правовой ответственности. Советские юристы-международники в послевоенный период продолжили сложившуюся традицию. Были разработаны критерии эффективности содержания нормативно-правовых норм, международно-правового регулирования. С 80-х гг. XX в. проблема эффективности международного права стала самостоятельной в науке международного права.

Литература

1. *Блюнчли И.К.* Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде Кодекса / пер. с немец. В. Уляницкого и А. Лодыженского; под ред. Л.А. Камаровского. М.: Типография К. Индриха, 1876. 561 с.
2. *Венгеров А.Б., Никитинский В.И., Самощенко И.С.* К методике изучения эффективности правовых норм // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 70–78.
3. *Галенская Л.Н.* Основные направления сотрудничества государств по борьбе с преступностью (правовые проблемы): автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Л., 1979. 44 с.
4. *Глазырин В.В., Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С.* Эффективность правовых норм. М.: Юридическая литература, 1980. 280 с.
5. *Давтян М.К.* Влияние Европейского суда по правам человека на эффективность развития международного права прав человека // Закон и право. 2012. № 8. С. 93–94.
6. *Даневский В.П.* Исторический очерк нейтралитета и критика Парижской морской декларации 16 апреля 1856 г. (диссертация). М.: Типография К. Индриха, 1879. 466 с.
7. *Даневский В.П.* Мысли о кодификации международного права и о сочинении гейдельбергского профессора Блунчли «Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса». М.: Типография К. Индриха, 1878. 51 с.
8. *Даневский В.П.* Очерк новейшей литературы по международному праву. СПб.: Типография Второго отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1876. 273 с.
9. *Даневский В.П.* Системы политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи. Историко-догматическое исследование. СПб.: Типография Р. Голике, 1882. 335 с.

10. *Ивановский И.А.* Женевская конвенция 10/22 августа 1864 г. Положительный международный закон об участии больных и раненых воинов во время войны. Киев: Университетская типография, 1884. 190 с.
11. *Ивановский И.А.* Конспект лекций по международному праву, читанных в Императорском Новороссийском университете в 1885/1886 академическом году. Одесса: Типо-литография В. Кирхнера, 1885. Выпуск I. 43 с.
12. *Игнатенко Г.В.* Универсальность и эффективность международного права как взаимодействующие категории // Вопросы универсальности и эффективности международного права: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 3–16.
13. *Камаровский Л.А.* Взгляд на различные попытки смягчить ужасы войны. М.: Типография К. Индриха, 1878. Ч. I. 27 с. Ч. II. С. 46.
14. *Камаровский Л.А.* Замечания об отношениях международного права к другим отраслям правоведения. М.: Университетская типография, 1874. 10 с.
15. *Камаровский Л.А.* О Международном суде. М.: Типография Т. Малинского, 1881. 542 с.
16. Конвенционное начало международного гуманитарного права (к 150-летию Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 22 августа 1864 г.) // Евразийский юридический журнал. URL: https://www.eurasialaw.ru/index.php?id=5914&Itemid=745&option=com_content&view=article (дата обращения: 25.01.2018).
17. Конспект по международному праву, составленный по лекциям профессора Л.А. Камаровского и приват-доцента В.А. Уляницкого. М.: Типография И.Н. Холчева, 1910. 42 с.
18. *Коровин Е.А.* Международное право переходного времени. М.-Пг.: Государственное издательство, 1924. 139 с.
19. *Курдюков Г.И.* Эффективность деятельности государств по реализации норм международного права // Вопросы универсальности и эффективности международного права: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 54–65.
20. *Малахов В.П., Ляхов Е.Г.* Правовые системы государств и международное право: взаимодействие и эффективность: монография. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2004. 127 с.
21. *Марочкин С.Ю.* Эффективность норм международного права: понятие, критерий и условия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984. 18 с. // Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=48412> (дата обращения: 27.01.2018).
22. *Мартенс Ф.Ф.* Брюссельская международная конференция 1874 г. СПб.: Типография В. Безобразова и К., 1874. 52 с.
23. *Мартенс Ф.Ф.* Курс международного права. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1878/1879 академическом году. СПб.: Издание студентов университета, 1878. 428 с.
24. Международное право / отв. ред. Ф.И. Кожевников. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. 471 с.
25. Международное право: учебник / под ред. Н.Т. Блатовой, Л.А. Моджорян. М.: Юридическая литература, 1979. 584 с.

26. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права (теоретические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2000. 41 с. // Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1236510> (дата обращения: 27.01.2018).

27. Никитинский В.И., Самощенко И.С. О понятии эффективности правовых норм // Ученые записки ВНИИСЗ. 1969. Вып. 18. С. 3–19.

28. Пашенцев Д.А. Разработка критериев результативности правовых реформ в России в 50–70-е гг. XIX века // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3 (70). С. 121–122.

29. Пустогаров В.В. Романтизм международного права. Жизнь и деятельность графа Л.А. Камаровского (1846–1912). М.: Диалог-МГУ, 1999. 62 с.

30. Учебный курс международного права / отв. ред. Ф.И. Кожевников. М.: Международные отношения, 1964. 679 с.

31. Чертов А.А. Влияние деятельности Европейского суда по правам человека на эффективность правовых норм в сфере прав человека // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 482–489.

32. Шлюндт Н.Ю., Степанов Э.С. Законность и эффективность односторонних санкций в международном праве // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2017. Т. 2. № 3. С. 180–183.

33. Puchta G.F. *Cursus der Institutionen*. Bd. 1. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1856. 751 s.

34. Savigny F.C. *System des heutigen Romischen Rechts*. Berlin: bei Veit und Comp., 1840. 559 s.

Literatura

1. Blyunchli I.K. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovanny'x gosudarstv, izlozhennoe v vide Kodeksa / per. s nemecz. V. Ulyaniczkogo i A. Lody'zhenskogo; pod red. L.A. Kamarovskogo*. М.: Типография К. Индриха, 1876. 561 s.

2. Vengerov A.B., Nikitinskij V.I., Samoshchenko I.S. К методике изучения эффективности правовых норм // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 70–78.

3. Galenskaya L.N. *Osnovny'e napravleniya sotrudnichestva gosudarstv po bor'be s prestupnost'yu (pravovy'e problemy')*: avtoref. ... dis. d-ra jurid. nauk. L., 1979. 44 s.

4. Glazy'rin V.V., Kudryavtzev V.N., Nikitinskij V.I., Samoshchenko I.S. Эффективность правовых норм. М.: Юридическая литература, 1980. 280 с.

5. Davtyan M.K. Влияние Европейского суда по правам человека на эффективность развития международного права прав человека // Закон и право. 2012. № 8. С. 93–94.

6. Danevskij V.P. *Istoricheskij ocherk nejtraliteta i kritika Parizhskoj morskoy deklaracii 16 aprelya 1856 g. (dissertaciya)*. М.: Типография К. Индриха, 1879. 466 s.

7. Danevskij V.P. *My'sli o kodifikacii mezhdunarodnogo prava i o sochinenii gejd'bergskogo professora Blunchli «Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovanny'x gosudarstv, izlozhennoe v vide kodeksa»*. М.: Типография К. Индриха, 1878. 51 s.

8. Danevskij V.P. *Ocherk novejshej literatury' po mezhdunarodnomu pravu*. SPb.: Типография Второго отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1876. 273 s.

9. Danevskij V.P. *Sistemy' politicheskogo ravnovesiya i legitimizma i nachalo nacional'nosti v ix vzaimnoj svyazi. Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie*. SPb.: Типография R. Golike, 1882. 335 s.

10. *Ivanovskij I.A.* Zhenevskaya konvenciya 10/22 avgusta 1864 g. Polozhitel'ny'j mezhdunarodny'j zakon ob uchasti bol'ny'x i raneny'x voinov vo vremya vojny'. Kiev: Universitetskaya tipografiya, 1884. 190 s.
11. *Ivanovskij I.A.* Konspekt lekcij po mezhdunarodnomu pravu, chitanny'x v Imperatorskom Novorossijskom universitete v 1885/1886 akademicheskom godu. Odessa: Tipo-litografiya V. Kirxnera, 1885. Vy'pusk I. 43 s.
12. *Ignatenko G.V.* Universal'nost' i e'ffektivnost' mezhdunarodnogo prava kak vzaimodejstvuyushhie kategorii // Voprosy' universal'nosti i e'ffektivnosti mezhdunarodnogo prava: mezhvuzovskij sbornik nauchny'x trudov. Sverdlovsk: UrGU, 1981. S. 3–16.
13. *Kamarovskij L.A.* Vzglyad na razlichny'e popy'tki smyagchit' uzhasy' vojny'. M.: Tipografiya K. Indrixa, 1878. Ch. I. 27 s. Ch. II. S. 46.
14. *Kamarovskij L.A.* Zamechaniya ob otnosheniyax mezhdunarodnogo prava k drugim otraslyam pravovedeniya. M.: Universitetskaya tipografiya, 1874. 10 s.
15. *Kamarovskij L.A.* O Mezhdunarodnom sude. M.: Tipografiya T. Malinskogo, 1881. 542 s.
16. Konvencionnoe nachalo mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava (k 150-letiyu Zhenevskoj konvencii ob uluchshenii uchasti raneny'x i bol'ny'x v dejstvuyushhix armiyax ot 22 avgusta 1864 g.) // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. URL: https://www.eurasialaw.ru/index.php?id=5914&Itemid=745&option=com_content&view=article (data obrashheniya: 25.01.2018).
17. Konspekt po mezhdunarodnomu pravu, sostavlenny'j po lekcijam professora L.A. Kamarovskogo i privat-docenta V.A. Ulyaniczkogo. M.: Tipografiya I.N. Xolcheva, 1910. 42 s.
18. *Korovin E.A.* Mezhdunarodnoe pravo perexodnogo vremeni. M.-Pg.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924. 139 s.
19. *Kurdyukov G.I.* E'ffektivnost' deyatel'nosti gosudarstv po realizacii norm mezhdunarodnogo prava // Voprosy' universal'nosti i e'ffektivnosti mezhdunarodnogo prava: mezhvuzovskij sbornik nauchny'x trudov. Sverdlovsk: UrGU, 1981. S. 54–65.
20. *Malaxov V.P., Lyaxov E.G.* Pravovy'e sistemy' gosudarstv i mezhdunarodnoe pravo: vzaimodejstvie i e'ffektivnost': monografiya. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii im. V.YA. Kikotya, 2004. 127 s.
21. *Marochkin S.Yu.* E'ffektivnost' norm mezhdunarodnogo prava: ponyatie, kriterij i usloviya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Sverdlovsk, 1984. 18 s. // Yuridicheskaya Rossiya. Federal'ny'j pravovoj portal. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=48412> (data obrashheniya: 27.01.2018).
22. *Martens F.F.* Bryussel'skaya mezhdunarodnaya konferenciya 1874 g. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova i K, 1874. 52 s.
23. *Martens F.F.* Kurs mezhdunarodnogo prava. Lekcii, chitanny'e v Sankt-Peterburgskom universitete v 1878/1879 akademicheskom godu. SPb.: Izdanie studentov universiteta, 1878. 428 s.
24. Mezhdunarodnoe pravo / otv. red. F.I. Kozhevnikov. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury', 1957. 471 s.
25. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik / pod red. N.T. Blatovoj, L.A. Modzhoryan. M.: Yuridicheskaya literatura, 1979. 584 s.
26. *Mingazov L.H.* E'ffektivnost' norm mezhdunarodnogo prava (teoreticheskie problemy'): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Kazan', 2000. 41 s. // Yuridicheskaya

Rossiya. Federal'ny'j pravovoj portal. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1236510> (data obrashheniya: 27.01.2018).

27. *Nikitinskij V.I., Samoshchenko I.S.* O ponyatii e'ffektivnosti pravovy'x norm // Ucheny'e zapiski VNIISZ. 1969. Vy'p. 18. S. 3–19.

28. *Pashenczev D.A.* Razrabotka kriteriev rezul'tativnosti pravovy'x reform v Rossii v 50–70-e gg. XIX veka // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2014. № 3 (70). S. 121–122.

29. *Pustogarov V.V.* Romantik mezhdunarodnogo prava. Zhizn' i deyatel'nost' grafa L.A. Kamarovskogo (1846–1912). M.: Dialog-MGU, 1999. 62 s.

30. Uchebny'j kurs mezhdunarodnogo prava / otv. red. F.I. Kozhevnikov. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1964. 679 s.

31. *Chertov A.A.* Vliyanie deyatel'nosti Evropejskogo suda po pravam cheloveka na e'ffektivnost' pravovy'x norm v sfere prav cheloveka // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava. 2007. № 2. S. 482–489.

32. *Shlyundt N.Yu., Stepanov E'.S.* Zakonnost' i e'ffektivnost' odносторонnix sankcij v mezhdunarodnom prave // Novaya nauka: Opy't, tradicii, innovacii. 2017. T. 2. № 3. S. 180–183.

33. *Puchta G.F.* Cursus der Institutionen. Bd. 1. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1856. 751 s.

34. *Savigny F.C.* System des heutigen Romischen Rechts. Berlin: bei Veit und Comp., 1840. 559 s.

A.A. Dorskaya

The Problem of Effectiveness of International Law in the Russian Legal Science: a Retrospective Analysis

The article deals with the views of pre-revolutionary, Soviet and modern Russian international lawyers on the effectiveness of international law. It is shown that the Russian science of international law before 1917 developed in the context of European science. Criteria for the effectiveness of international law, developed by Soviet lawyers, are considered. It is shown that since the 1980s the effectiveness of international legal regulation has become an independent scientific problem.

Keywords: e'ffectiveness of law; the science of international law; theory of state and law; binding nature of international law; social character of the norms of international law; cooperative scientific bodies.